

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ЕЕ DOPPELGÄNGER. ТОТАЛИТАРНЫЙ СЛУЧАЙ

История экономической науки при нацизме сильно контрастирует с ее судьбой при сталинизме. Уничтожение независимого экономического исследования было интегральной задачей сталинизма. Для нацизма это было периферийной задачей. Национал-социализм мало интересовался чисто экономическими проблемами, и в холодной тени этого безразличия экономическая наука продолжала существовать и развиваться. Так, Вальтер Ойкен, ведущий представитель классической и неоклассической экономики в Третьем рейхе, сумел в 1939–1944 годах выпустить четыре издания своего фундаментального трактата. Однако экономисты Третьего рейха не избежали смертельных объятий национал-социалистического государства.

Почти с самого возникновения экономической науки ее преследует, как тень, своего рода отрицательный Doppelgänger¹, который пытается подменить собой положительный «оригинал», чернит его и строит против него козни. Назовем эту фигуру, олицетворение крикливой неприязни к экономике, «антиэкономикой».

Первая известная разновидность антиэкономии локализовалась в либеральном, «буржуазном» порядке XIX столетия. В XX веке антиэкономика открыла для себя новую сферу существования — тоталитарное государство. При Сталине антиэкономика достигла в буквальном смысле смертоносной стадии развития.

В настоящей статье мы рассмотрим взаимоотношения экономики и ее враждебного двойника в условиях другого то-

талитарного режима — нацистского. Сразу укажем, что история антиэкономии в Третьем рейхе отличается от ее истории при сталинизме. Антиэкономика являлась интегральной частью сталинизма. Для нацизма она имела периферийное значение. Однако экономисты Третьего рейха не избежали смертельных объятий национал-социалистического государства.

«Гляйхшалтунг». Приход к власти национал-социалистов в 1933 году нанес глубокий ущерб человеческому капиталу германской экономической науки, ибо «почти все экономисты, имевшие еврейское происхождение и (или) выразившие свои социалистические или либеральные убеждения в политических формах, были изгнаны из страны» (Reiter 1993. 91). Именно происхождение или политическая

ориентация, а не взгляды на экономику послужили основанием для высылки. Некоторые из экономистов, оставшихся в стране, были лишены слова и работы, подвергнуты допросам и пыткам и даже казнены, однако и эти люди пострадали не за экономические взгляды. Главная профессиональная организация экономистов (*Verein für Sozialpolitik*) была распущена, но лишь вследствие общей линии на «*Гляйхшалтунг*» («координацию»). Экономисты не относились к числу профессиональных групп (таких, как юристы и учителя), презираемых руководством СС и рейха, а их дисциплина не была окрашена в цвета какой-либо политической партии (подобно тому, как социология имела известный социал-демократический оттенок).

Истина заключается в том, что национал-социализм мало интересовался чисто экономическими проблемами, и в холодной тени этого безразличия экономическая наука продолжала существовать и развиваться². Иллюстрацией служит тот факт, что Вальтер Ойкен, ведущий представитель классической и неоклассической экономики (*Grande Tradition*³) в Третьем рейхе, сумел в 1939–1944 годах выпустить четыре издания своих *Grundlagen*.

Это безразличие частично объяснялось конкретными обстоятельствами, а частично имело идеологическую природу.

Конкретные обстоятельства состояли в очевидном экономическом успехе Третьего рейха. Ибо в течение почти 10 лет, начиная с 1933 года, проводилась почти не знавшая провалов экономическая политика; обещания нечасто расходились с фактическими результатами. Не было неудач, которые требовали бы выискивать козлов отпущения.

Что касается идеологии, то для нацизма, в отличие от советского сталинизма, экономика была маргинальна⁴. Основной начинкой национал-социалистической идеологии являлась биология, а не эконо-

мика, в то время как в марксизме последняя играла базовую роль. Так, более половины сталинской библиотеки составляли работы по экономике, многие с пометками и комментариями Сталина⁵.

Все это вело к тому, что экономика оказалась несущественной и не имеющей значения в Третьем рейхе. А отсутствие значения создавало ситуацию пониженной угрозы.

Но угроза все же была, ибо существовала потенциальная возможность расцвета фашистской антиэкономики и замены ею традиционного направления. Материал, необходимый для формирования такой антиэкономики, в наличии имелся: наследие германской исторической школы (в особенности отождествление еврейства и капитализма у Зомбарта) и возрождение усилиями Отмара Шпанна «романтической» экономики в духе Адама Мюллера. Однако ничего существенного не материализовалось. Это пришлось признать даже тем, кто был заинтересован в успехе проекта. Так, в 1937 году Зомбарт сказал о потенциальных создателях такого рода контр-экономики: «...очевидно, что намерения этих писателей самые наилучшие: главный пункт, отрицание старой «либеральной» теории, безусловно, превосходит. Однако когда я читаю их сочинения, я часто получаю впечатление, что вожди «нового направления» не вполне проникают в проблемы своей дисциплины. Они не знают, в чем действительно состояла старая либеральная теория, куда она вела, и в чем на деле расходятся старая и новая экономическая наука» (*Sombart 1939. 58*)⁶.

Фрайбургская школа. Вместо подъема фашистской контр-экономики в Третьем рейхе произошло бурное возрождение *Grande Tradition*⁷. Как отметил в 1937 году удивленный Зомбарт: «Фактически мы наблюдаем в сегодняшней Германии странный выход на сцену старой либеральной экономики, о которой давно

говорили, будто она мертва, с ее законотворчеством и схематизациями, ее устаревшей ученостью в новых одеждах» (Sombart 1939. 59).

Вождем этого возрождения был Вальтер Ойкен (1891–1950). Начальную теоретическую подготовку он прошел у исторической школы, однако к началу 1920-х годов уже занимался развитием количественной теории денег и разработкой идей таких неоклассических теоретиков, как Бём-Баверк и Вискель. Таким образом, «работами Ойкена обозначено возвращение к неоклассической теории в германской экономике» (Molsberger 1985. 195).

Ойкен организовал во Фрайбургском университете семинар с участием близких ему мыслителей, включая Франца Бёма (1895–1977), находившегося во Фрайбурге в 1933–1938 годах, Адольфа Лампе (1897–1948) и Константина фон Дитце (1891–1973), фрайбургского профессора, распустившего Verein für Sozialpolitik, вместо того, чтобы привести его в соответствие с нацистскими принципами. На основе семинара образовался Freiburger Kreis, Фрайбургский кружок. Его участников объединяла забота о трех главных предметах:

1. *Экономическая методология.* Кружок определенно отказывался от приверженности историзму и враждебности по отношению к теории, которые были характерны для германской исторической школы⁸.

2. *Автономная консультирующая роль экономической науки по отношению к экономической политике.* Участники кружка хотели, чтобы экономика заняла новую позицию в обосновании государственной политики. Крен германской исторической школы в сторону неэкономических соображений и определенных политических течений был подвергнут осуждению. «Низложение» экономики не признавалось. Экономической наукой

следовало дорожить, и ей разрешалось оценивать самое себя.

3. *Позиция в отношении особых интересов.* Кружок был убежден, что особые интересы деформировали экономическую политику. Виделись два альтернативных решения.

Первым решением являлось корпоративное государство, исследователями и первоначально сторонниками которого были Эрвин фон Бекерат (1889–1966), его видный ученик Генрих фон Штакельберг (1905–1946) и одно время даже Франц Бём. В корпоративном государстве формальное юридическое представительство всех экономических интересов препятствовало бы эксплуатации государственного аппарата определенными центрами влияния. Оно стимулировало бы развитие совершенного рынка, объекта анализа неоклассических теоретиков. Один из таких в 1934 году утверждал, что «корпоративный рынок производит тот же результат, что и совершенная конкуренция»⁹.

Вторым решением было антимонополистическое государство, которому симпатизировал Ойкен. В таком государстве одной из конституционных обязанностей правительства было бы устранение монополий¹⁰.

Ближе к концу 1930-х годов прежние сторонники корпоративного государства потеряли к нему доверие и сблизились с Ойкеном. Например, Штакельберг «стал убежденным критиком всех форм плановой экономики. В докладе, прочитанном в узком кругу в 1943 году..., он обосновал эту критику математически. Он пришел к выводу, что конкурентный порядок — единственный принцип, позволяющий разрешить экономические проблемы нашего времени...» (Eucken 1948. 135). Последняя книга Штакельберга *Grundlagen der Theoretischen Volkswirtschaftslehre* (1944) была, по определению Кеннета Булдинга, «под стать чистейшему (simon-

риге) представлению взглядов Чикагской школы».

Фрайбургский кружок. Итак, можно сказать, что после двух поколений «сна» (нео)классическое направление вдруг беспрепятственно пошло в рост в условиях тоталитарного режима. По иронии судьбы, в то время как Кондратьев и его круг избрали мирное сосуществование с советским государством, но были казнены по обвинению в мнимом заговоре, представители Большой традиции в Третьем рейхе не подвергались (до поры до времени) преследованию, хотя участвовали в подлинном заговоре против нацистского государства.

Вскоре после еврейского погрома, устроенного 9 ноября 1938 года, Лампе, фон Дитце, Ойкен и Герхард Риттер (историк) образовали кружок, получивший впоследствии название *Freiburger Kreis*. Эти четверо составили ядро трех групп — «Фрайбургского совета» (*Freiburg Konzil*), «Фрайбургского кружка Бонхёффера» (*Freiburger Bonhoffner Kreis*) и «Рабочей группы Эрвина фон Бекерата» (*Arbeitsgemeinschaft Erwin von Beckerath*). Последняя представляла собой дискуссионный кружок экономистов, в который входили Гюнтер Шмельдерс (1903–1993), Эрих Прайзер (1900–1967), а также Бём и Штакельберг. «Фрайбургский совет» был неспециализированной дискуссионной группой. «Фрайбургский кружок Бонхёффера» связывал Ойкена и его коллег с активными заговорщиками, включая Дитриха Бонхёффера и Карла Герделера, возглавивших неудачную попытку убить Гитлера¹¹.

Фрайбургский кружок и его сохранявшиеся придатки распались в результате событий 20 июля 1944 года. Ойкена подвергли допросу, но, к «изумлению» его товарищей-конspirаторов, огромная волна арестов, продолжавшихся до 1 ноября 1944 года, его миновала. Франц Бём избежал ареста благодаря тому, что его перепу-

тали с другим человеком с тем же именем. Дитце и Лампе оказались в тюрьме, но были спасены от казни приходом Красной Армии. Профессору Йенсу Йессену (1896–1944), редактору *Schmollers Jahr-buch*, экономисту, имевшему косвенные связи с Фрайбургским кружком, повезло меньше. По обвинению в прямой причастности к заговору 20 июля его приговорили к смерти и, неспособного самостоятельно двигаться после пыток, втащили на эшафот¹².

В последние месяцы 1944 года Генрих Гиммлер сказал Альберту Шпееру, что, возможно, стоит организовать показательный процесс над «экономистами и промышленниками».

«**Trahison des clerics**»¹³. Боевая изготовка, которую приняли ведущие представители Большой традиции перед лицом режима, отличает их от большинства других образованных и профессиональных групп¹⁴. Перед самым концом войны в некоторых ретроспекциях о Третьем рейхе образованные и профессиональные классы Германии обвинялись в соучастии в катастрофе. Так, Вильгельм Рёпке (1899–1966), экономист Марбургского университета, вынужденный эмигрировать в 1933 году, писал весной 1945 года:

«Вряд ли какой-нибудь другой класс в Германии так фатально пал, как интеллигенция в целом. ... именно из университетов черпали прочие интеллектуалы разрушительный яд, который потом распространяли, должным образом расфасованный и обработанный, среди населения... непростительная вина многих немецких университетских профессоров состояла в умственной подготовке людей к приходу нацистских орд, а затем ... к тому, чтобы проглатывать самые абсурдные его (нацизма) теории и даже петь ему хвалу» (Рёпке 1960. 347).

Более поздние исследования не позволяют смягчить это обвинение. Стало известно, какую живую и в то же время

смертоносную (для многих) преданность Третьему рейху продемонстрировали медицина, психиатрия, право, история, археология, этнография, география, филология, теология, психология, психотерапия и естествознание и с какой легкостью к нацистской идеологии приспособились многие другие дисциплины¹⁵. Какими бы разнообразными ни были реакции, какими бы яркими ни являлись исключения, центральной линией образованных и профессиональных классов было идеологическое сотрудничество¹⁶.

Grande Tradition, действительно, является контраст этой коллаборационистской тенденции¹⁷. Почему так случилось, определено сказать невозможно.

Может быть, источник этого контраста заложен в характеристиках, которые скорее случайны для Большой традиции, чем выражают ее сущность. Так, не исключено, что формирующее влияние на действия участников *Freiburger Kreis* оказывали, как иногда отмечали они сами, их христианские убеждения. «Я не мог бы ни жить, ни работать, если бы не верил в существование Бога» (Ойкен в 1942 году, цит. в Rieter and Schmolz 1993. 105). Однако идентификация христианства в качестве объясняющего фактора требует большего, чем указание на наличие соответствующего исповедания во Фрайбургском кружке; необходимо доказать, что христианство играло в Grande Tradition более важную роль, чем в других традициях. Но от этого предположение не перестает быть спорным. Теология оказалась не столь уж непроницаема для нацистской идеологии (хотя были слабые исключения).

Может быть, контраст имел своим источником неприятие со стороны рациона-

листичной, научной неоклассической экономики того иррационализма, на энергию которого так полагался нацизм¹⁸. Да, во времена Третьего рейха были случаи, когда Ойкен брал на себя роль защитника разума. Например, в октябре 1933 года Ойкен опубликовал статью, озаглавленную «В чем смысл мышления?», в которой с презрением отозвался об эмоциональности (в науке), релятивизме и иррационализме и которая «сделала его *bkte noire* для студентов-нацистов» (Nicholls 1994. 64).

Но, как неоклассическая экономика ни чтит разум, и как бы ни презирал его нацизм, правдой является и то, что приверженность неоклассической экономике могла сочетаться с приверженностью национал-социализму: так, Штакельберг, примерно до 1939 года, был привержен и тому, и другому. Приверженность неоклассической экономике могла также сочетаться с приверженностью фашизму (Луиджи Аморозо). Вопреки мифу, неоклассическая экономика политически бесполоа.

Возможно, наконец, что источник готовности Grande Tradition к сопротивлению был заложен в ее симпатии к экономическому либерализму. Можно утверждать, что признание какой-либо ценности за экономической свободой плохо уживается с терпимым отношением к политическому рабству¹⁹. В какой степени экономический либерализм и политический либерализм способны диссонировать, — тема, открытая для обсуждения²⁰. Но нельзя оспорить тот факт, что принятие Штакельбергом экономического либерализма в основном совпало с его разочарованием в национал-социализме²¹. То же можно сказать о Бекерате и Йессене²².

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Двойник (*нем.*). Тема двойника, получившая заметное развитие в художественной культуре Германии (Гофман, Гейне, Шуберт), ярко и своеобразно представлена и в русской литературе (Гоголь, Достоевский). Российский читатель должен по достоинству оценить метафору У. Коулмена. (*Прим. перев.*)

² Точно так же и фашистская Италия была безразлична к существованию (нео)классической экономики. Ее представители (Луиджи Эйнауди и Турони) продолжали публиковаться. Последователь Парето, Луиджи Аморозо (1886 — 1965), был приверженцем режима и стремился к рациональному обоснованию корпоративской идеологии в терминах неоклассической теории (Keppeler 1994).

³ «Большая (великая) традиция» (*фр.*). У. Коулмен предпочитает этот термин более привычному «mainstream». (*Прим. перев.*)

⁴ Один комментатор справедливо говорит о солидном трактате Ойкена: «Маловероятно, чтобы заурядный нацистский гауляйтер потрудился пойти дальше первой главы, а если бы и потрудился, то вряд ли нашел бы в книге много такого, что считал бы сомнительным или подрывным» (Nicholls 1994. 110).

⁵ Гитлер читал «Опыт о народонаселении» Мальтуса.

⁶ Нищету «фашистской экономики» можно приписать еще двум причинам. 1) «Фашизм, как никакая другая форма, плывет вперед с минимальным интеллектуальным грузом — и гордится этим» (Rürke 1935). 2) Национал-социализм основывался на концентрации в одном пункте высшего интеллектуального авторитета; не было необходимости (или желания) обращаться к авторитету профессоров.

⁷ Для идентификации представителей GT мы используем классификацию немецких экономистов, которую предложили Rieter and Schmolz (1993). Они распределили 59 экономистов Третьего рейха по четырем категориям: «историки-холисты», «историки-неоклассики», «индивидуалисты-неоклассики» и «макро- и монетарные экономисты». Мы причисляем членов последних двух категорий к представителям Большой традиции.

⁸ Об атаках Ойкена на Шмоллера можно судить по «Die Überwindung des Historismus» («Падение историзма», в *Schmollers Jahrbuch*, 1938) и «Wissenschaft im Stile dem Schmollers» («Наука в стиле Шмоллера», в *Weltwirtschaftliches Archiv*, 1940. С. 52).

⁹ В высшей степени нелиберальное корпоративское решение проблемы особых интересов соответствовало фашистской политической ориентации. Бекерат симпатизировал фашистской Италии. Штакельберг был активным членом нацистской партии и служил в СС. Его высоко оценивал Аморозо, упоминавший Штакельберга в своих профашистских сочинениях.

¹⁰ Об этом у Ойкена см. в «Wettbewerb als Grundprinzip der Wirtschaftsverfassung» («Конкуренция как основополагающий принцип экономического строя», 1942).

¹¹ Возглавлявший заговор против Гитлера Карл Гёрделер (1884–1945) был бескомпромиссным экономическим либералом, который немало раздумывал над послевоенной экономической политикой Германии. В этих вопросах его консультировал будущий канцлер Людвиг Эрхард (1897–1977).

¹² Включение Йессена в число представителей Большой традиции проблематично в силу смены им доктринальной принадлежности. Ритер помещает его в смешанную категорию историков-неоклассиков, хотя Йессен «все более поворачивался спиной к традиционной экономической теории» (Rieter and Schmolz 1993. 95). По мнению Гюнтера Шмёльдерса, Йессен разделял нацистские идеи «в какой-то степени вплоть до 1933 года», но «замечательным образом» поддерживал свободу *Schmollers Jahrbuch* от нацистского влияния и признавал «важность конкурентной экономики и суверенитета потребителя» (Schmolders 1948. 136).

¹³ «Предательство интеллигенции (буквально: писцов)» (*фр.*). Название знаменитой книги Жюльена Бенда (1927), ставшее крылатым выражением. (*Прим. перев.*)

¹⁴ «Похоже, что от экономистов, как группы, нацистское движение требовало меньше, чем от других профессиональных групп. Частично это объяснялось сравнительным безразличием нацистов к экономике по сравнению с расовой наукой и даже социологией» (Lindenfeld 1997. 329).

¹⁵ Репке выделяет, в частности, право: «Поистине, почти не было юридических факультетов, не пронизанных духом закостенелого антилиберализма, антидемократизма, национализма и антисемитизма» (Rörke 1960. 348). Он затем указывает на прочие дисциплины: «Именно историки, археологи и искусствоведы, к позору просвещения, оказались главными прислужниками нацистов, грабившими архивы и музеи в оккупированных странах Европы» (Rörke 1960. 351).

¹⁶ О разнообразной, но в основном благожелательной реакции науки на нацизм см. Walker (1989) и (1996); об истории см. Schnepf (1996); об археологии см. Schnapp and Vigne (1982); об искусствоведении см. Petropoulos (2000); о философии см. Sluga (1989); о географии см. Heske (1986).

¹⁷ Но нет ничего невозможного для антиэкономии. Некто выступает с абсурдным (или непристойным) утверждением о «совпадении в сущности экономических взглядов нацистов и... либеральной Фрайбургской школы» (Mommesen 1991). Данное утверждение базируется на сообщении некоего Отто Олендорфа (1907–1951), имевшего отношение к «специальным силам Д», которые уничтожили 90 тысяч мирных жителей в Советском Союзе в 1941–1942 гг. (Herbst 1982). В 1942 г. Олендорф поступил на службу в министерство экономики, где, помимо прочего, рассматривал перспективы послевоенного экономического устройства. В различных меморандумах Олендорф противопоставлял немецкий экономический порядок капиталистическому и большевистскому. Последние два стояли на службе экономической эффективности и «рационалистического метода» и, следовательно, технологии и массового производства. Этот «рационалистический метод», используемый и Германией в военных условиях, может также послужить удовлетворению нужд потребителей после войны. Но насколько важным является удовлетворение нужд? «Я вижу экономику только в широком контексте, и не экономическом, но скорее социальном, т. е. национальном... Действительно важны не блага, произведенные после войны, а сохранение и развитие наших основных биологических ценностей и — за счет этого — победа в мирное время» (Цит. в Speer 1981. 77.) Олендорф далее жаловался, что «рационалистический метод» привел к гибели 500 тысяч «ручных» промыслов, за счет которых существовал «Mittelstand» (средний слой), защитником «независимости», «свободы» и «инициативы» которого видел себя Олендорф. Продолжение индустриализации (и рост технологии и массового производства) иссушит «внутренний родник германского народа — его сельское население» и подрывает «гарантированное продовольственное снабжение» (цит. в Speer 1981. 80, 81). Эта враждебность по отношению к технологии дополнялась у Олендорфа увлечением антропософским учением Рудольфа Штайнера, в духе которого он собирался использовать в сельском хозяйстве мистические биодинамические процессы. Очевидно, что это нацистское варево было приготовлено с использованием таких ингредиентов, от которых Ойкена взяла бы оторопь. Столь же очевидна и несерьезность отождествления «нацистской экономической политики» с фантазиями отдельного (и изолированного) чиновника, погруженного в бюрократическую интригу. (Взгляды Олендорфа уместно рассматривать в связи со взглядами таких антиэкономистов, как Карлейль. — См., напр., Harrison 1994.)

¹⁸ Согласно гипотезе Линденфельда, экономическая наука относительно мало была востребована нацистским движением благодаря внутренним тенденциям в этой науке: продолжающейся реакции против исторической школы и возрастающему престижу анализа в ущерб холизму (Lindenfeld 1997. 329).

¹⁹ Историки подчеркивали, что Фрайбургский кружок был далек от политического либерализма в популярном смысле «прогрессивности» или «левизны». Это были правые либералы образца XX века; они верили в свободу и порядок. На это указывает термин, которым они позднее описывали свою философию — «ордолиберализм».

²⁰ Сказать, что экономическая свобода плохо уживается с политическим рабством, — не значит сказать, что они не могут сосуществовать. И не значит сказать, что существует какое-то «противоречие» в поддержке сразу экономической свободы и рабства. Но эти двое плохо уживаются друг с другом в том смысле, что убедительные аргументы в пользу одного одновременно являются убедительными аргументами против другого. Поверхностный мыслитель способен поддерживать и экономическую свободу, и политическое рабство, менее поверхностному мыслителю это, возможно, будет трудно.

²¹ В 1937 году Штакельберг сделал две попытки порвать с СС (Konow 1994. 160). Фриц Махлуп, который был знаком со Штакельбергом, утверждает, что последний со временем «стал очень критически относиться к национал-социалистическому режиму» (цит. в Konow 1994. 161).

²² В итоге Рёпке подчеркивает значение либерализма. «Если на каком-то факультете еще можно было встретить свободную мысль, то лишь на экономическом, и становится понятной настойчивость, с которой эта профессорская группа боролась против экономических доктрин нацизма» (Röpke 1960. 349).

Eucken W. Heinrich von Stackelberg // *Economic Journal*. 1948. 58.

Harrison A. *Aspects of Nineteenth Century Thought and National Socialism with Reference to the Economic and Social Ideas of Albert Speer and Otto Ohlendorf*, University of Warwick, 1994.

Herbst L. *Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft: die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939-1945*, Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1982.

- Heske H. German Geographical Research in the Nazi Period: a Content Analysis of the Major Geography Journals, 1925–1945. *Political Geography Quarterly*, 5(3), 1986.
- Konow J. The Political Economy of Heinrich von Stackelberg. *Economic Inquiry*, 32, 1994.
- Lindenfeld D. F. *The Practical Imagination: The German Sciences of State in the Nineteenth Century*, Chicago: University of Chicago Press, 1997.
- Molsberger J. Eucken, Walter. *New Palgrave Dictionary of Economics*. Vol. 1. London: Macmillan, 1985.
- Mommsen H. *Contending with Hitler: Varieties of German Resistance in the Third Reich*, edited by David Clay Large, 1991.
- Nicholls A. J. *Freedom with Responsibility: The Social Market Economy in Germany, 1918-1963*, Oxford: Clarendon Press, 1994.
- Petropolous J. *The Faustian Bargain: the Art World in Nazi Germany*, London: Penguin, 2000.
- Rieter H., Schmolz M. The Ideas of German Ordoliberalism 1938-45: Pointing the Way to a New Economic Order // *European Journal of the History of Economic Thought*, 1(1), 1993.
- Röpke W. Fascist Economics. *Economica*, 2, 1935.
- Röpke W. National Socialism and Intellectuals // *The Intellectuals: A Controversial Portrait*, edited by George B. de Huszar, Free Press, 1960.
- Schmölders G. Jens Jessen. *Economic Journal*, 58, 1948.
- Schnapp A., Vigne E. Quand les Nazis se Faiseaient Archéologues: Un Entretien avec Alain Schnapp. *Histoire* 43, 1982.
- Schönwälder K. 'Taking Their Place in the Front-line'?: German Historians during Nazism and War, *Tel Aviv Jahrbuch für deutsche Geschichte*, 25, 1996.
- Sluga H. *Metadiscourse: German Philosophy and National Socialism*. *Social Research* 56(4), 1989.
- Sombart W. *Weltanschauung, Science and Economy*. New York: Veritas, 1939.
- Speer A. *The Slave State: Heinrich Himmler's Masterplan for SS Supremacy* / Translated by Joachim Neugroschel. London: Weidenfeld and Nicolson, 1981.
- Walker M. National Socialism and German Physics // *Journal of Contemporary History*, 24, 1989.
- Walker M. Science Under National Socialism. *Dimensions* 10(2), 1996.

Перевод с английского Ю. Тулупенко

W. Coleman

ECONOMIC SCIENCE AND ITS DOPPELGÄNGER

The experience of economics under Nazism makes a strong contrast with Stalinism. The destruction of autonomous economic inquiry was integral to Stalinism. It was peripheral to Nazism. National Socialism had little interest in purely economic issues, and under the cold shade of this indifference economics subsisted and grew. Thus Walter Eucken, the leading personality of the classical and neoclassical economics in the Third Reich, published his general treatise on principles in 1939, and was to see it through four editions by 1944. Nevertheless, economists of the Third Reich were to have their own perilous encounter with the National Socialist state.